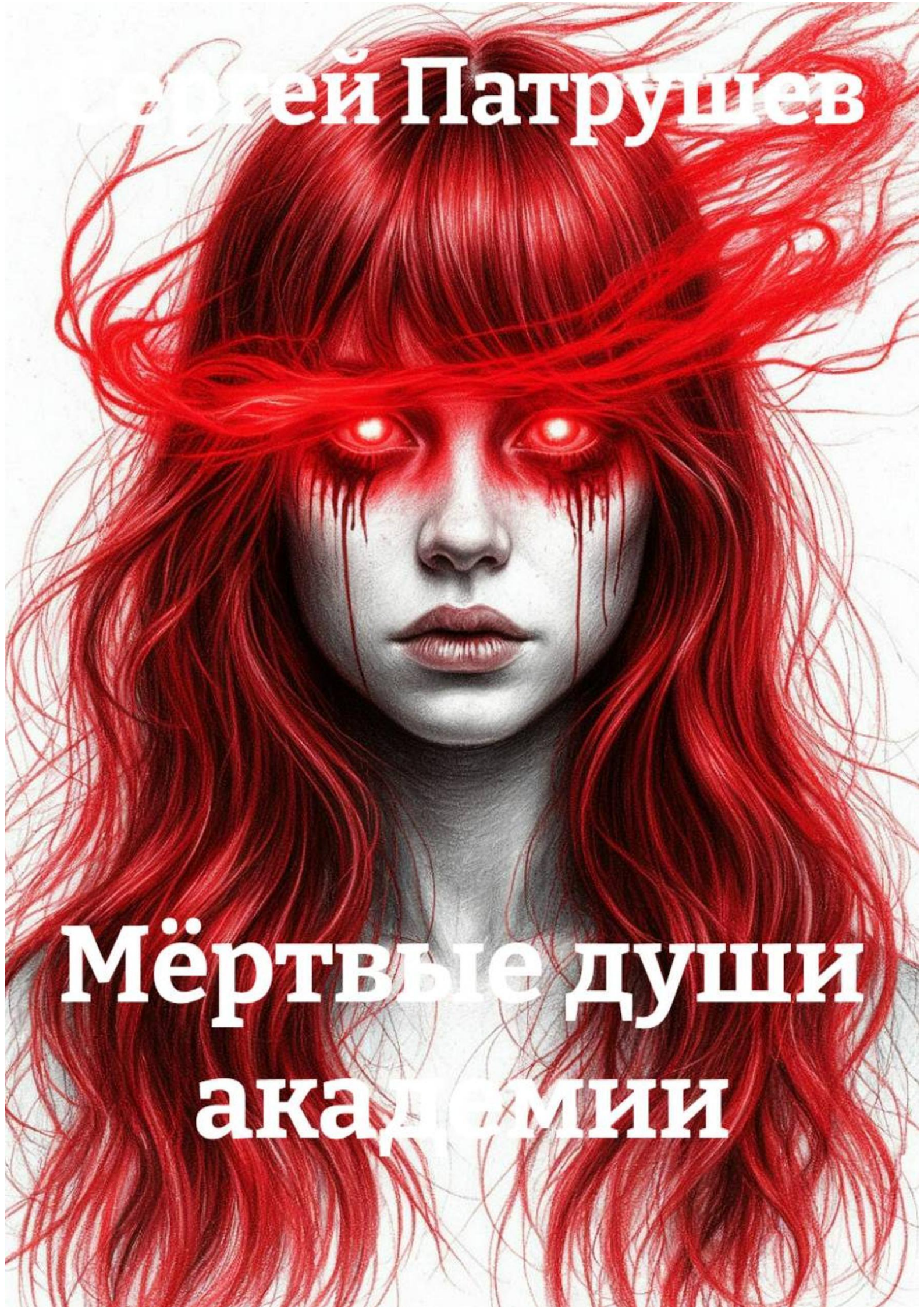

Андрей Патрушев

Мёртвые души
академии

Сергей Патрушев

Мёртвые души академии

«Автор»

2026

Патрушев С.

Мёртвые души академии / С. Патрушев — «Автор», 2026

В Академии Арканум, где за готическими фасадами скрываются древние тайны, юная Кайлина надеется обуздать свой дар — видение посмертия. Но первый же день оборачивается ледяным прикосновением: замок пропитан следами смерти, а письмо с приглашением вскрыто до неё. Вместе с магом света Нейтаном, чьё сияние хранит собственную мрачную тайну, Кайлина погружается в расследование исчезновений талантливых студентов. В подземной лаборатории они находят кристаллы, в которых заточены души, питающие защитный купол академии. Теперь Кайлине предстоит выбрать: стать частью системы или разрушить её, даже если цена — собственная душа. Тёмная академия, детектив и фэнтези в одном лабиринте, где свет слепит, а тьма говорит правду.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо под печатью ворона	5
Глава 2. Свет во тьме	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Патрушев

Мёртвые души академии

Глава 1. Письмо под печатью ворона

Ворон прилетел на рассвете, когда мир ещё колебался между ночью и утром, между сном и явью, между жизнью и той зыбкой полосой, где обитают существа, не принадлежащие ни одному из миров. Кайлина не спала. Сон бежал от неё уже которую ночь подряд, словно испуганный зверь, стоило лишь закрыть глаза, как под веками начинали проступать бледные тени, тянущие к ней прозрачные, истончившиеся от времени руки. Поэтому она сидела у окна, закутавшись в старый шерстяной плед, пахнувший лавандой и пылью, и смотрела, как серый туман выползает из низин, облизывая кривые стволы яблонь в заброшенном саду. Сад этот давно не плодоносил — яблоки рождались мелкими, кислыми, червивыми, будто сама земля отравляла их. Мать говорила, что виной всему близость кладбищенского леса, но Кайлина знала: дело не в лесу. Дело в ней. В её дару, который, как гниль, расплзался вокруг, заставляя цветы вянуть быстрее, а молоко скисать, не дожидаясь утра.

Она сидела, поджав ноги к груди, и слушала тишину. Тишина здесь была особенная — густая, вязкая, как болотная жижа. Она не звенела, как в городах, не шелестела, как в полях. Она давила на уши, заставляя слышать то, чего не следовало: далёкий плач ребёнка, которого не существовало, шорох шагов за дверью, которой никто не открывал, шёпот, доносившийся из-под половиц. Кайлина привыкла к этим звукам, как привыкают к вою ветра в печной трубе. Они были частью её жизни, её проклятия, её одиночества.

Птица возникла из тумана бесшумно. Одна секунда — и вот она уже сидит на подоконнике, чёрная, как смоль, с перьями, отливающими синевой, как воронёная сталь. Ворон был крупный, неестественно крупный для своей породы. Голова его чуть подрагивала, глаз — один, второй был скрыт в тени, — смотрел на Кайлину с тем особым, пугающим вниманием, какое бывает только у существ, слишком долго живших рядом с мёртвыми. В клюве ворон держал конверт из плотной кремовой бумаги, перевязанный чёрной шёлковой лентой. Печать — тёмно-красный сургуч с оттиском распахнувшего крылья ворона — была сломана. Не разрезана, не сорвана, а именно сломана: по краю оттиска шла тонкая трещина, словно кто-то поддел её ножом или ногтем, а затем прижал обратно, оставив едва заметный сдвиг. Кайлина сразу это заметила. Она всегда замечала мелочи — дар, обостривший её восприятие, не позволял упускать деталей, особенно таких, от которых веяло бедой.

Она медленно, стараясь не делать резких движений, подняла руку и провела пальцами по сломанной печати. Сургуч был холодным, как надгробный камень. На конверте, чуть ниже печати, виднелся след — слабый, почти неразличимый, будто его касались пальцы, испачканные в чём-то тёмном. Не грязь. Не сажа. Скорее, пепел. Или старая, въевшаяся в кожу кровь. Кайлина нахмурилась. Письма из Академии Арканум не вскрывают. Их либо принимают, либо сжигают, либо возвращают с нетронутой печатью. Но её печать была сломана, и это не было случайностью. Случайности в её жизни случались редко, а если случались, то всегда оказывались частью чьего-то замысла.

— От кого ты? — спросила она тихо, хотя знала, что ответа не будет.

Ворон склонил голову набок, глядя на неё одним блестящим глазом. В этом взгляде не было ни страха, ни любопытства, ни голода. Только древнее, спокойное знание, такое же, какое она видела в глазах умирающих за мгновение до того, как их души отделялись от тел. Птица знала что-то. Знала и молчала. Вороны всегда знают больше, чем показывают. Мать говорила, что эти птицы — посланники мёртвых, что они переносят не только письма, но и вести с того света. Кайлина тогда смеялась, но теперь, глядя в этот чёрный, как обсидиан, глаз, она не была уверена, что мать ошибалась.

Она потянулась к конверту. Птица не шелохнулась, позволила взять письмо, а затем, издав низкий гортанный звук, похожий на человеческий смешок, сорвалась с подоконника и растворилась в тумане. Не улетела — именно растворилась, будто её и не было. Только лёгкое колыхание воздуха осталось на том месте, где она сидела. Кайлина проводила её взглядом и перевела дыхание. Пальцы слегка дрожали, когда она разворачивала лист, и она ненадолго сжала их в кулак, чтобы унять дрожь. Не помогло.

Письмо было написано безупречным каллиграфическим почерком, каждая буква — как отдельное произведение искусства, каждый завиток — как росчерк пера, не знавшего ошибок. Чернила — чёрные, с едва уловимым фиолетовым отливом, — ещё пахли свежестью, будто письмо написали всего несколько часов назад.

«Кайлине Рейвенхарт, проживающей в доме номер семь по улице Могильных Вязов, — гласило оно. — Академия Арканум имеет честь пригласить Вас для обучения в стенах нашего заведения. Ваш дар, столь редкий и столь... специфичный, не может остаться незамеченным. Мы предлагаем Вам не только знания, но и понимание. Академия откроет перед Вами двери в первый день месяца Жатвы. Совет попечителей ждёт Вашего ответа до исхода недели».

Подписи не было. Только в самом низу, под текстом, всё тот же оттиск — ворон с распахнутыми крыльями. Кайлина перевернула письмо, поднесла его к окну, посмотрела на просвет, надеясь найти что-то ещё — пояснение, предостережение, хотя бы намёк на то, кто именно сломал печать. Ничего. Чистая бумага, гладкая, дорогая, с лёгким водяным знаком в виде вороньего пера, проступающим только под определённым углом. Она провела по нему пальцем и почувствовала лёгкое покалывание — слабый след магии, оставшийся на бумаге. Защитный знак? Или чья-то неосторожная энергия? Определить она не могла, слишком слаб был отголосок.

Она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Академия Арканум. Самая престижная магическая школа северных земель, куда мечтали попасть дети аристократов и богатых торговцев, где преподавали величайшие маги эпохи, где хранились знания, способные перевернуть мир. И куда её, дочь деревенской травницы, никогда в жизни не взяли бы просто так. Разве что... из-за дара.

Проклятого дара.

Она открыла глаза и посмотрела на свои руки — бледные, тонкие, с вьёвшимися в кожу следами трав и настойки болиголова. Эти руки видели слишком много смертей. Чувствовали их. Кайлина не убивала, никогда, но смерть всегда стояла за её плечом, шептала на ухо, показывала то, чего не должны видеть живые. «Видение посмертия» — так называла это её мать, единственный человек, который не отшатывался от неё в ужасе. Мать говорила, что дар можно

обуздать, что он дан не в наказание, а как испытание, как крест, который несут немногие. Но мать умерла, а дар остался, впившись в Кайлину, как репей, пустив корни глубоко под кожу.

Деревня и так не слишком жаловала Рейвенхартов — семью травниц, живших на отшибе, у самой кромки кладбищенского леса. Их дом, старый, покосившийся, с вечно заколоченными ставнями, стоял особняком, будто сама земля не хотела, чтобы он соседствовал с остальными домами. Мать была лекарем, к ней приходили тайком, по ночам, оставляя у порога плату — яйца, муку, иногда деньги, но никогда не оставались на разговор. А когда у маленькой Кайлины проявился дар, от них и вовсе отвернулись. Она помнила, как впервые увидела призрака. Ей было шесть лет. Старый мельник Тобин, утонувший в реке неделей раньше, стоял у неё в комнате и молча смотрел на неё, а вода стекала с его одежды и собиралась в лужицу на полу. Кайлина закричала. Крик этот услышала вся деревня, и с тех пор она кричала много раз — по ночам, когда ей являлись умершие, и по утрам, когда соседские мальчишки дразнили её, бросая в окна комья грязи с воплями «смерть тебя видит!». Она привыкла к одиночеству, как привыкают к старой сломанной кукле или к затянувшемуся шраму. Привычка эта была горькой, но необходимой.

Теперь ей девятнадцать. Мать умерла два года назад, тихо, во сне, и Кайлина нашла её утром с улыбкой на губах, словно та увидела во сне что-то прекрасное. Дар не позволил ей обмануться: она видела, как душа матери выскользнула из тела, обернулась на пороге, улыбнулась ещё раз и растворилась, оставив после себя запах свежее испечённого хлеба и лаванды. С тех пор Кайлина жила одна в старом доме на краю леса. Зарабатывала на жизнь травами и редкими визитами к больным, которые готовы были платить, но требовали, чтобы она не смотрела им в глаза. Она не жаловалась. Жизнь была серой, тихой, наполненной запахом сушёной мяты и шорохом крыльев ворона за окном. Она почти смирилась. И вот — письмо.

Академия Арканум. Место, где учат магии. Место, куда ей не было хода. И всё же...

Она встала, подошла к столу и аккуратно положила письмо на стопку старых книг. Что-то было не так. Печать сломана. Ни одна академия не прислала бы приглашение с повреждённой печатью. Это означало одно из двух: либо письмо вскрыл кто-то по дороге, либо его вскрыли в самой академии. И то, и другое не сулило ничего хорошего. Но разве могла она отказаться? Разве у неё был выбор?

Она подошла к зеркалу, висевшему на стене в простенке между окнами, и посмотрела на себя. Из мутного стекла на неё глянуло бледное лицо с тёмными кругами под глазами, обрамлённое чёрными, непослушными волосами, спадающими на плечи. Глаза — серые, как вода в пасмурный день, с лёгкой голубизной у зрачка. Такие глаза, говорила мать, бывают у тех, кто слишком долго смотрел в пустоту. Кайлина не спорила. Она действительно смотрела в пустоту. И пустота смотрела на неё в ответ.

Деревня — крошечная, задыхающаяся в собственных суевериях — не дала ей ничего, кроме страха. Академия давала шанс. Пусть даже шанс с привкусом тлена и загадок. Она всегда чувствовала, что её дар — не просто проклятие, а ключ к чему-то большему. Возможно, в Аркануме ей наконец скажут, к чему именно. А если не скажут — она сама найдёт ответ. Или погибнет, пытаясь.

Кайлина собрала за три дня. Немного вещей, тёплый плащ, книги, которые оставила мать, и маленький кожаный мешочек с сушёной ромашкой — не магический атрибут, а про-

сто память, последнее, что прикасалось к материнским рукам. Соседи, узнав о её отъезде, не скрывали облегчения. Старая Мирта, жившая через два дома, даже перекрестилась ей вслед — не то отгоняя зло, не то желая удачи. Кайлина не обернулась. Она вообще редко оборачивалась. Прошлое было слишком тяжёлым, чтобы тащить его за собой, и слишком липким, чтобы отряхнуть с подошв.

Дорога до академии заняла два дня. Сначала — телега до перекрёстка, где сходились три дороги: одна — в город, одна — к реке, одна — в горы. Возница, молчаливый мужик с лицом, изрезанным морщинами, высадил её на развилке и, не попрощавшись, развернул лошадь. Кайлина осталась стоять у дорожного указателя, стрелки которого давно выцвели и стали нечитаемыми. Через час подошла почтовая карета, битком набитая людьми, которые старались держаться от неё подальше. Они косились на её старую дорожную сумку, на бледное лицо, на глаза, которые невольно задерживались на пустых углах. Кайлина привыкла к таким взглядам: быстрым, украдкой, с примесью суеверного ужаса. Она сидела в углу, прижавшись плечом к холодной стенке, и смотрела в окно на проплывающие пейзажи — серые холмы, чёрные леса, узкие реки, блестящие под низким небом, как вскрытые вены. Северные земли были суровы. Академия, о которой ходили легенды, стояла ещё севернее, в горах, окутанных вечными туманами.

Чем дальше они уезжали от дома, тем сильнее становилось её беспокойство. Словно невидимая нить натягивалась где-то в груди, тянула вперёд — и в то же время предупреждала об опасности. Кайлина не могла объяснить это чувство. Дар вёл себя странно: то вспыхивал, как свеча на сквозняке, то затихал, оставляя после себя ледяную пустоту. Она засыпала на короткие, рваные минуты, и во сне ей виделся замок на скале, окружённый чёрными птицами. Иногда в этих снах она стояла на краю высокой башни и смотрела вниз, на острые камни, а ветер толкал её в спину. Иногда — шла по коридору, в конце которого горел зелёный огонь, и кто-то звал её по имени голосом, похожим на скрип несмазанных петель.

На второй день дорога пошла в гору. Карету трясло, лошади фыркали, из ноздрей вырывались облачка пара. За окнами клубился туман, густой, как овечья шерсть, и в этом тумане иногда мелькали тени — не то звери, не то что-то иное. Кайлина старалась не всматриваться. Когда дар обострялся, она видела слишком многое. Но даже с закрытыми глазами она чувствовала: здесь, в этих горах, смертей было не счесть. Старые битвы, болезни, жертвоприношения, несчастные случаи. Земля была пропитана памятью, и эта память шевелилась под поверхностью, как черви под корой мёртвого дерева. Она ощущала это не только даром, но и телом: холод, проникающий сквозь подошвы сапог, покалывание в кончиках пальцев, тяжесть в груди, будто на неё давила невидимая рука.

Наконец, к вечеру второго дня, карета остановилась. Кайлина вышла, кутаясь в плащ, и подняла взгляд.

Академия Арканум возвышалась над долиной, как спящий великан. Огромный замок из тёмного камня, башни которого пронзали низкое небо, а стены, покрытые плющом, терялись в тумане. Остроконечные шпили, витражи, горящие в сумеречном свете, как глаза чудовища, горгульи на карнизах, застывшие в вечном молчании. Вокруг — чёрный лес, подступающий к самым стенам, и глубокий ров с неподвижной водой, в которой отражались зубцы башен. Это было красиво — и одновременно пугающе. Архитектура смерти, застывшая в камне. Кайлина почувствовала, как по спине пробежал холодок, не связанный с ветром. Она стояла на краю моста и не могла заставить себя сделать первый шаг. Будто что-то невидимое держало её за плечи, прижимая к земле.

Она закрыла глаза, сделала глубокий вдох, медленный выдох. Мать всегда говорила: «Страх — это тень, Кайлина. Наступи на неё, и она исчезнет». Она открыла глаза и шагнула на мост.

Каменные плиты под ногами были отполированы тысячами шагов, а перила украшали резные фигуры воронов, смотрящих на неё всё теми же блестящими, всезнающими глазами. Вороны были вырезаны так искусно, что казались живыми — казалось, они вот-вот сорвутся с места и закружат над головой, оглашая долину карканьем. Ворота — высокие, окованные железом, с массивными кольцами в виде змеиных голов — были распахнуты. За ними простирался двор, вымощенный серым булыжником. Ни души. Только ветер, холодный и влажный, шелестел невидимыми кронами, и где-то вдалеке, в лесу, ухала сова.

Она сделала шаг. И в тот же миг ледяное прикосновение обожгло её затылок.

Кайлина замерла. Это было не просто холодное дуновение ветра — нет, это было прикосновение. Пальцы. Пять невесомых, ледяных пальцев, легших на её шею сзади, чуть ниже линии волос. Они не сжимали — просто касались, но в этом касании было столько тоски и боли, что у Кайлины перехватило дыхание. Она резко обернулась. За спиной никого не было. Только каменный мост, туман, лес вдалеке. Но ощущение не исчезло — наоборот, усилилось, разлилось по позвоночнику, просочилось под кожу, пропитало собой каждый нерв.

Здесь было много смертей. Очень много.

Кайлина закрыла глаза и попыталась дышать ровно, как учила её мать. Но дар уже проснулся, распахнулся, как окно, и в это окно хлынули голоса. Они звучали не словами — образами, ощущениями, обрывками боли. Она видела: вот студент падает с башни, нелепо взмахнув руками, и на лице его — не страх, а удивление; вот горит библиотека, и кто-то кричит в огне, а полки рушатся, погребая под собой древние фолианты; вот молодая женщина в тёмной мантии склоняется над телом, и из её ладони сочится чёрный дым, заползая в уши и ноздри мертвеца. Эти видения обрушились на неё лавиной, беспорядочной, удушливой, и Кайлина пошатнулась, схватившись за каменный парапет. Ногти царапнули по холодному камню, оставляя белёсые полосы.

— Эй, ты в порядке?

Голос был далеким, приглушённым, как сквозь толщу воды, но он вытащил её из липкого болота видений, как верёвка, брошенная утопающему. Кайлина разлепила веки и увидела перед собой парня. Высокий, темноволосый, с узким бледным лицом и глазами цвета крепкого чая. Он был одет в чёрную форму академии — камзол с серебряным кантом и гербом ворона на груди. В руке он держал небольшой саквояж, который, судя по выпирающим углам, был набит книгами. На плече у него сидел ворон — маленький, взъерошенный, с белым пятном на крыле.

— Ты бледная, как полотно, — сказал парень, нахмурившись. — Первокурсница? Пересекла ворота и словила откат?

— Откат? — переспросила Кайлина, всё ещё чувствуя дрожь в ногах. Слова давались с трудом, язык был словно ватным.

— Местные чары. Защитный барьер. Некоторые экстрасенсы чувствуют его особенно остро в первый раз. Это не опасно, но неприятно. Дыши глубже. И старайся не всматриваться в тени. Здесь много отражений, некоторые из них... не совсем безобидны.

Она кивнула, пытаясь восстановить дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь пульсацией в висках. Парень ждал, не торопя, но и не выказывая особого беспокойства. Он смотрел на неё внимательно, изучающе, и во взгляде его было что-то такое, отчего Кайлине стало не по себе. Не враждебность, нет. Скорее, настороженное любопытство — как у человека, который встретил в лесу незнакомого зверя и пытается понять, хищник ли перед ним.

— Ты учишься здесь? — спросила она, чтобы нарушить молчание.

— Третий курс. Ален Тэлбот. — Он коротко кивнул, не протягивая руки. — Ты, вероятно, та самая Кайлина Рейвенхарт. О твоём приглашении уже судачат.

— Уже? — Она настороженно посмотрела на него. — Откуда?

— Слухи здесь бегают быстрее воронов. Печать-то была сломана, верно?

У Кайлины похолодело внутри. Она почувствовала, как кровь отхлынула от лица, оставив его ледяным, как мрамор.

— Откуда ты знаешь?

Ален усмехнулся, но улыбка вышла кривой, невеселой.

— Потому что моя тоже была сломана. Три года назад. И у всех, кто получает такие приглашения, печать сломана. Это своего рода знак. Пометка.

— Пометка?

— Академия не приглашает просто так. Есть те, кого зовут официально, по стандартной процедуре. А есть — «меченые». Те, у кого дар... как бы сказать... неудобный. Опасный. Такой, который может разворошить здешнее гнездо. — Он засунул руки в карманы. Ворон на его плече недовольно каркнул, словно был не согласен с тем, что его хозяин так беспечен. — Я бы на твоём месте не радовался раньше времени, Рейвенхарт. Арканум — не школа мечты. Это лабиринт. И у него много тёмных углов.

Кайлина сглотнула. Ей хотелось спросить, что значит «меченые», почему сломаны печати, кто за этим стоит, откуда он знает её имя, и что за тени он упомянул. Но она сдержалась. Не стоило вываливать вопросы на первого встречного. Особенно если он сам выглядел так, будто не спал несколько ночей. Под глазами у него залегли тёмные круги, а на виске билась тонкая жилка — признак постоянного напряжения.

— Ладно, — сказала она наконец. — Куда мне идти?

— Распределение в западном крыле. Но сначала — регистрация в канцелярии. Проводить?

— Спасибо.

Она пошла за ним, стараясь не отставать. Внутренний двор Академии был огромен, как городская площадь. Серые стены, стрельчатые окна, колонны, увитые плющом, и повсюду — вороны. Они сидели на карнизах, на фонарях, на каменных скамьях и смотрели. Сотни чёрных птиц с блестящими глазами. Кайлине казалось, что они следят за каждым её шагом, за каждым вздохом, за каждой мыслью, проносящейся в голове. Она невольно поёжилась.

— Их здесь держат как сторожей, — сказал Ален, не оборачиваясь. Он шёл чуть впереди, и его шаг был лёгким, бесшумным, как у хищника. — Они чувствуют смерть. Если кто-то умирает в стенах академии, вороны поднимают крик. А ещё они доставляют письма. Но ты, наверное, уже поняла.

— Да. Мне принёс ворон.

— Особый ворон. Личный? — Он взглянул на неё через плечо, и в его глазах блеснул интерес. — У всех «меченых» есть свой ворон. Официальные студенты получают почту через голубей или магических гонцов. А нам — только вороны. Символично, не находишь?

Они вошли в главный корпус. Огромный холл с высоким потолком, расписанным фресками, на которых были изображены сцены из истории магии: битвы магов, вознесение первых чародеев, падение Тёмного ордена. Свет лился из гигантских витражных окон, но был он каким-то приглушённым, холодным, будто проходил сквозь слой воды. В воздухе пахло свечным воском и старой бумагой, и ещё — чем-то сладковато-гнилостным, что Кайлина не могла определить, но от чего у неё засосало под ложечкой. Канцелярия находилась за дубовой дверью с табличкой, на которой была выгравирована всё та же ворона. Внутри сидела сухая дама в сером платье и с острым лицом, похожая на хищную птицу. У неё были цепкие, маленькие глаза, бесцветные, как две капли дождевой воды, и крючковатый нос, нависавший над верхней губой. Она едва взглянула на Кайлину, но задержала взгляд на её глазах.

— Кайлина Рейвенхарт, — произнесла она скрипуче, не спросив, а утверждая. — Дар: видение посмертия. Степень нестабильности: высокая. Хм. Ваше письмо?

Кайлина протянула конверт. Дама взяла его, повертела в руках, поднесла к носу, понюхала, как хищник, обнюхивающий добычу. Её пальцы были длинными, сухими, с жёлтыми ногтями, похожими на когти.

— Воск не повреждён. Лента цела. Значит, печать сломали до опечатывания. Интересно. Впрочем, у нас это не редкость. Распишитесь.

Кайлина поставила подпись, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. «Печать сломали до опечатывания». Это меняло всё. Значит, тот, кто вскрыл письмо, находился внутри академии. И он знал, что письмо увидят. И, возможно, он знал, что Кайлина его увидит.

— Общежитие для первокурсников — северная башня, третий этаж, комната тридцать три. Ключ. — Дама пододвинула ей маленький железный ключ с резной головой ворона. — Ужин через час. На первом ужине обязаны присутствовать все. Академия приветствует вас, госпожа Рейвенхарт. Добро пожаловать.

В её устах «добро пожаловать» прозвучало как угроза.

Ален ждал её в коридоре, прислонившись к стене. Он провёл рукой по волосам и усмехнулся.

— Ну что, комната тридцать три? Классика.

— Классика? — Кайлина подняла бровь.

— Невезучий номер. Все «меченые», насколько я знаю, получают тридцать третью комнату. В разных башнях, но с одинаковым номером. Тридцать три — число перехода. Символ смерти.

— Ты тоже жил в тридцать третьей?

— Живу до сих пор. — Он показал ей ключ, висевший на шее на тонкой цепочке. — Тридцать три, восточная башня. Увидимся на ужине.

И, не дожидаясь ответа, он развернулся и пошёл прочь, оставив Кайлину в полумраке коридора. Она смотрела ему вслед, и в груди нарастало неприятное чувство. Всё здесь было пропитано знанием, но знание это тщательно скрывалось за масками вежливости и туманных намёков. Она не доверяла этому месту. И, что хуже, не доверяла себе.

Северная башня оказалась ближе, чем она думала. Узкая винтовая лестница с каменными ступенями, вытертыми до блеска, поднималась вверх, в темноту. Факелы горели зелёным пламенем — не давая тепла, лишь разгоняя мрак. Кайлина поднималась медленно, считая этажи, и на каждом пролёте ей казалось, что за ней кто-то идёт, шаг в шаг, но стоило оглянуться — никого. Она сжимала ключ в ладони так, что резная голова ворона впивалась в кожу. Боль отрезвляла.

На третьем этаже она остановилась, пошла по коридору, пока не нашла дверь с цифрой «33». Цифры были выбиты на медной табличке, потускневшей от времени. Кто-то поцарапал её чем-то острым, оставив тонкие, как паутина, линии, сплетающиеся в странный узор. Кайлина провела пальцами по этим линиям, и ей показалось, что они едва заметно теплеют.

Замок щёлкнул, ключ повернулся. Дверь открылась.

Комната была небольшой, но уютной. Узкое окно, выходящее на чёрный лес, кровать под балдахином, письменный стол, шкаф, умывальник. На стенах — потускневшие гобелены с изображением воронов и лун. На столе — восковая свеча и маленькая табличка с надписью: «Не всматривайтесь в тени».

Кайлина хмыкнула. Словно она сама не знала.

Она бросила сумку на кровать и подошла к окну. Лес был тёмным, молчаливым. Ветер качал верхушки сосен. И снова — тени. Не в лесу, нет. В комнате. Они медленно двигались по стенам, отбрасываемые невидимым источником света. Кайлина не стала оборачиваться. Она давно научилась не показывать страха. Тени питаются страхом — это она усвоила ещё в дет-

стве, когда призрак мельника Тоби́на стоял у её кровати и смотрел, как она плачет. Чем больше она боялась, тем ближе он подходил.

В ужине она не ошиблась. Огромный зал, длинные столы, сотни студентов в чёрной форме. Суп с хлебом, жареное мясо, травяной чай. Но вкуса она не чувствовала — только наблюдала. За студентами, за преподавателями, сидящими за высоким столом на возвышении, за воронами, которые время от времени влетали в зал через открытые окна и садились на балки под потолком. И за взглядами. Они были разными: любопытными, настороженными, презрительными. Кайлина ощущала себя зверем в зверинце. Каждый её жест, каждый глоток супа, каждый вздох — всё было под прицелом.

После ужина, когда она шла к своей башне, её догнал Ален.

— Ну как первый день?

— Как похороны, на которые пригласили по ошибке.

Он коротко рассмеялся.

— Неплохо. Для «меченой» — отличное сравнение.

— Кто такие «меченые»? — спросила она, замедляя шаг.

— Тсс. — Он прижал палец к губам. — Не здесь. Стены слушают. Точнее, не стены. Но слушают.

Кайлина сжала кулаки.

— Тогда когда?

— Завтра. После первого занятия. Мы называем его «введением в некромантию», но на самом деле это проверка. Посмотрим, умеешь ли ты видеть.

— Что видеть?

— Увидишь. — Ален улыбнулся, но глаза его оставались серьёзными. — И вот ещё что, Кайлина. Держи эту вещь при себе.

Он сунул ей в ладонь что-то маленькое, холодное. Кайлина разжала пальцы и увидела кулон — серебряный, с чёрным камнем в центре, оgranённым в форме вороньего крыла. Камень был холодным, но от него исходило странное, успокаивающее тепло, которое медленно растекалось по ладони.

— Что это?

— Защита. На первое время. Не спрашивай, где достал. Просто носи.

— Почему ты мне помогаешь?

Ален остановился, глядя куда-то поверх её плеча. Ветер трепал его тёмные волосы.

— Потому что, когда я впервые вошёл в эти ворота, мне никто не помог. И я чуть не остался здесь навсегда. В прямом смысле. — Он посмотрел ей в глаза. — Арканум хранит не только знания. Он хранит тайны. И некоторые из них убивают. Будь осторожна, Кайлина. Ты пришла сюда искать контроль над даром. Но боюсь, ты найдёшь нечто большее. И оно уже знает, что ты здесь.

Он ушёл, растворившись в сумерках, а Кайлина осталась стоять посреди каменного двора, сжимая в ладони холодный кулон. Вороны на стенах смотрели на неё. Туман стучался. Где-то далеко, в глубине леса, раздался крик — не то человеческий, не то звериный. Она подняла голову к небу, на котором уже проступали первые звёзды, и почувствовала, как ледяное прикосновение снова касается её затылка. Теперь оно было сильнее. И, кажется, ближе.

«Ты пришла сюда искать контроль над даром. Но ты найдёшь нечто большее».

Слова Алена звучали в голове, как эхо. Кайлина вздохнула, повесила кулон на шею и направилась к северной башне. Ночью ей снова не спалось. Она сидела у окна, смотрела на лес и ждала. Чего — она и сама не знала. Но где-то глубоко внутри, под слоем страха и недоверия, впервые за долгое время шевельнулось нечто иное. Не надежда. Скорее — упрямое, злое любопытство.

Вороны на подоконнике не было. Но на стекле, с внутренней стороны, кто-то оставил след. Пять тонких линий. Словно провели пальцами по запотевшему стеклу. Только окно было сухим.

Кайлина смотрела на этот след до самого рассвета. И когда первые лучи солнца прорезали туман, она поняла: Академия Арканум уже приоткрыла перед ней свою дверь. И дверь эта вела вниз.

Глава 2. Свет во тьме

Утро ворвалось в комнату тридцать три робко и неуверенно, словно нищий, осмелившийся постучать в ворота королевского замка. Бледный, разбавленный туманом свет просачивался сквозь мутное стекло, ложился на каменный пол жидкими лужицами и, казалось, сам не верил, что ему дозволено касаться этих древних стен. Академия Арканум встречала рассвет нехотя, с глухим недовольством старого хищника, которого потревожили в час законной дремоты. Кайлина проснулась с ощущением, будто она и не спала вовсе: голова была тяжёлой, словно налитой свинцом, мысли путались, как нити в старом гобелене, сплетаясь в бессмысленные узоры, а перед глазами всё ещё стоял тот самый след на стекле — пять тонких линий, прочерченных изнутри по сухому, холодному окну. След, которого не могло быть. След, который она видела собственными глазами и который исчез, стоило ей лишь моргнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.